

21 НАУКА И ЖИЗНЬ

КОГДА умирают такие писатели, как Уильям Сароян, думаешь о смерти, об утрате, но говоришь о жизни. И как нам ни печально — других слов нет. Разгадка пародокса в формуле Пушкина: «Нет, весь я не умру...»

В жизнь каждого из нас по-своему приходит тот или иной писатель. Где-то в се-

редине 50-х годов в статье Ильи Эренбурга «Путь века» среди других имен, определивших путь и лицо века, был назван Уильям Сароян. Это запомнилось. Были найдены и прочитаны новеллы и книги Сарояна «Приключения Весли Джексона», «Человеческая комедия», были прочитаны и увидены на сце-

Уильям САРОЯН:

«Я ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ.

не пьесы и в их числе самая, может быть, знаменитая из пьес «В горах мое сердце».

Позже были прочитаны и многие другие книги («Мама, я тебя люблю», «Папа, ты сошел с ума...») вплоть до последних сборников воспоминаний. Недавняя его книга, названная несколько, может быть, необычно «Некролог», была посвящена памяти людей знаменитых и незнаменитых. Для Сарояна всякий человек знаменит, всякий человек — это жизнь.

Сароян известен как писатель великого жизнелюбия. Он проповедовал любовь к жизни, любовь к человеку и, прежде всего, к «маленько-му» человеку. И эта определяющая, сущностная черта его творчества привлекла к нему внимание мировой критики. Он стал знаменит в Америке уже в 30-х годах

после первой своей книги «Отважный молодой человек на летающей трапеции» (1934), а затем пришла и мировая известность.

Книги Сарояна переведены и широко читаются во многих странах мира. Гуманизм Сарояна социально окрашен и социально активен. Во всем, что он написал, увлекало Сарояна, и он сказал, как до одури прекрасен этот мир.

Демократизм Сарояна-писателя — это и манера его письма, простота, до того

справедливой, и более к людям благорасположенной, что ли. «За людьми, — говорил Достоевский, — надо ходить, как за больными». Таков подлинный гуманизм, таков и гуманизм сарояновский. «Я люблю людей, люблю армянский народ, люблю род Сароянов, люблю моего отца Арменака, мою мать Такуи, мою dochь Люси и, если уж сознаться в самом страшном, я люблю самого себя».

Это признание Сарояна характерно, конечно, и написано в улыбчивой сарояновской манере, но оно лишь в малой мере передает то осозаемое, щемящее чувство жизни, которым переполнено буквально все, что написал Сароян. Его писательский гений, его любовь ко всему, что живет, что дышит (Сароян знал, что дышит все — камень, вода, тучи...), счастливо воплотились и выразились в его книгах. Современность сочеталась в нем с древнейшей изначальной человеческой способностью удивляться миру. «Есть ли у дождя отец, или кто рождает капли росы?» — это занимало, увлекало Сарояна, и он сказал, как до одури прекрасен

безыскусственная, до того естественная, что во всех его вещах ощущаешь нерукотворность слова и мысли, нерукотворность ремесла.

Еще предстоит изучить вклад Сарояна-новеллиста в мировую литературу. Я хочу сказать о доброте Сарояна и вспомнить в этой связи статью американского критика, который года два тому назад писал, что сегодняшней

Америке, современной американской литературе так необходима сарояновская доброта, и надо поэтому заново перечитать его книги. Я уверен, что Сароян будет заново перечитан, что в силу характера своего дарования он не уходит, он приходит к людям...

Американский писатель Сароян подчеркивал, что он армянин, называл себя армянским писателем. Он писал об Армении и армянах. Он не мыслил себе жизни без Армении. В Армении у него были друзья. Он знал Чаренца, Тотовенца, Маари... Он дружил и переписывался со многими современными армянскими писателями. Высоко ценил Гранта Матевосяна, Баагна Давтяна, Размика Давояна...

— Я такого Ричарда вижу впервые.

— Я Капланяну сказал, можешь Нарекаци поставить на сцене. Со сцены слово Нарекаци будет сильно звучать.

Посмотрев на меня:

— А знаешь, я был в «Литературной газете». Русские — мои друзья.

Кто-то из присутствующих говорит, что получил от Сарояна письмо и очень дорожит этим письмом, бережно хранит его.

...В начале ноября 1978

— Мои письма не выбрасываете? — улыбается Сароян.

Вспомнили в этой связи Гоголя. Почтмейстер из «Ревизора» имел обыкновение читать чужие письма. Неинтересные письма отправлял дальше по адресу, а интересные оставлял у себя для чтения.

— Другие народы прилагают к вам разделить вашу радость, — говорил Сароян на аэродроме. — Это хорошо. А армяне, значит, летают к нам на праздники. Это хорошо.

—

Хочу, чтобы я был один, хочу смотреть на них, видеть их, не хочу, чтобы смотрели на меня и шумели. Всем помогите...

—

Здесь же, на аэродроме, сообщил встречавшим его друзьям, что в Москве, в театре им. Вахтангова, видел «Ричарда III» в постановке Капланяна. Сароян несколько раз подчеркнул, что в пьесе играет Михаил Ульянов.

—

И такого Ричарда вижу впервые.

— Я Капланяну сказал, можешь Нарекаци поставить на сцене. Со сцены слово Нарекаци будет сильно звучать.

Посмотрев на меня:

— Говорят, что я много пишу. Но я пишу потому, что я писатель. Я говорю сыну: «Ты писатель и ты не пишишь, как это можно?» Если я не буду писать, я не буду писателем.

—

Увы, следующего раза, следующего приезда в Армению не будет. Но все, что было, останется навсегда. С нами его голос, его улыбка, жесты. С нами книги Уильяма Сарояна. С нами — он сам...

Уильям Сароян не уходит, он приходит к людям.

Левон МКРТЧЯН.

186